

¹⁹ Vavro Šrobár (9.8.1867–6.12.1950) – politický a verejný činiteľ, publicista, lekár. Vyštudoval medicínu na Lekárskej fakulte v Prahe a na UK v BA. Pôsobil ako minister s plnou mocou pre správu Slovenska (1918–20), minister školstva a národnej osvety (1921–22), minister financií (1945–46) a minister pre zjednotenie zákonov (1948–50). Ideový vodca hlasistického hnutia, zakladateľ, redaktor a vydavateľ časopisu Hlas. Slovenský biografický slovník. V.zv. Martin, MS 1992, s. 449

²⁰ Reč Ludvika Mocsáryho na krajinskom sneme 15.februára. In: Národné noviny, 18, č. 20 z 17.2.1887

²¹ Z obžaloby seniorálneho fiškála Júliusa Beliczayho. Oroslánska pravota. In: Národné noviny, 18, č. 83, z 19.7.1887.

²² Peter Vítázoslav Rovnianek (27.6.1867–16.11.1933) – spisovateľ, novinár, vydavateľ, podnikateľ, organizátor krajanského hnutia v USA. Redaktor Amerikánsko-slovenských novín v Pittsburgu, založil Národný slovenský spolok a bol spoluzakladateľ MS v Amerike a Slovenskej ligy v Amerike. V roku 1907 ho ruská vláda vymenovala za svojho konzula v USA. V roku 1910 v čase hospodárskej krízy skrachoval a stratil celý svoj majetok. Odišiel do Kalifornie, Colorado a Nevady, kde vyše 20 rokov hľadal zlato, aby mohol uhradiť škodu vkladateľom (prišli o úspory tisícky drobných slovenských vyťahovalcov), ale bezúspešne. V roku 1911 ho v NSS zbavili čestného predsedníctva a neskôr i členstva (v roku 1966 bol rehabilitovaný). In: Slovenský biografický slovník. V.zv. Martin, MS 1992, s. 126–127.

²³ Zase nové obete! In: Národné noviny, 18, č. 88 z 30.7.1887

²⁴ (Z. Križan bol v roku 1882 ako člen Zory potrestaný a v roku 1885 ako člen Salaša vylúčený z bratislavskej evanj. akadémie.

²⁵ Na zákaz usporiadať slávnosť pri odhalení pomníka J.M.Hurbanovi reagoval jeho syn S.H. Vajanský článkom v Národných novinách (11.septembra 1892) pod názvom Hyenizmus v Uhrách, za ktorý ho uhorské súdy odsúdili na rok väzenia za poburovanie proti ústavným inštitúciám a maďarskej národnosti. Vajanského v procese obhajovali povestný Pavol Mudroň a Miloš Štefanovič. Vajanský v článku ostro kritizoval vládnú politiku a pomery v Uhorsku. Uviedol: „že v tomto maďarizáciou zhumplovanom štáte už vymiera posledný cit ľudskosti a spravodlivosti, že sme už na tom stupni, kde prestáva oprávnenie menovať sa štátom právnym!“ In: Hyenizmus v Uhrách, Národné noviny, 13.9.1892.

Р.А. ИДРИСОВ

АЛЕКСАНДР ВЕЛЕПОЛЬСКИЙ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В XIX ВЕКЕ

Аграрный вопрос в Польше в XIX веке, как и во всей Восточной Европе, стал одним из центральных в жизни страны. Исчезновение Польши как государства только углубило его остроту. Прусская или австрийская модели в этом отношении не отличались особым процессом от Царства Польского в составе Российской империи. Еще в 70-е годы XX века американский историк Иммануил Валлерстайн отстаивал теорию, основывавшуюся на различиях в развитии сельского хозяйства Западной и Восточной Европы¹. Такое различие автор связывал, в первую очередь, с трансформацией феодального дворянства. На Западе оно превратилось в итоге в капиталистических землевладельцев, а на Востоке – в паразитирующих крепостников.

Теория эта подвергалась достаточно жесткой критике, основываясь во многом на упрощении экономической роли социальной группы феодалов в XVIII–XIX веках. Хотя, на наш взгляд, она прекрасно вписывается в хорошо известную отечественным историкам оценку В.И. Ленина в работе «Развитие сельского хозяйства в России». Ныне основательно подзабытые ленинские описания «американского» и «прусского» путей развития с прямой отсылкой к последнему российскому аналогу когда-то главенствовали в отечественной историографии проблемы. В любом случае, территориально Валлерстайн (как и марксист Ленин) объединяет Пруссию, Богемию, Польшу, Венгрию в одну общую модель, внутри которой не было заметных различий. Имеющиеся же внутренние различия в указанном ареале

в целом подтверждают общий характер отношений между землевладельцем-дворянином и безземельным крестьянином.

Кстати, с этой позиции достаточно легко отмечается бытующее среди большей части польских историков мнение о главной причине сравнительной отсталости польской экономики в рассматриваемый период – русском царизме, искусственно законсервировавшем, или даже экстраполировавшем на новые для империи территории крепостнические отношения. Ведь если продолжить логику рассуждений Валлерстайна, то понятно, что аграрная проблема Польши имеет собственное происхождение, в большей степени имеющее отношение к влиянию Пруссии и Австрии на своих национальных окраинах.

Ко второй половине XVII века проблема в аграрной сфере стала, как известно, одним из факторов системного кризиса, охватившего Польшу. Переход к фольварочно-барщинной системе феодального хозяйства, произошедший в предыдущий период, обусловил успехи дворянского землевладения. В итоге шляхта пошла по пути все больше распространявшейся практики еженедельных отработок. Дворянское сословие стало основным собственником земель в Польше. Это в равной степени относится к крупным магнатским поместьям, имениям разбогатевших выходцев из мелкой шляхты, хозяйствам рыцарей – владельцев отдельных деревень. Барщинное хозяйство позволило землевладельцам добиться стабильного материального положения, но одновременно не дало развиваться польскому общенациональному рынку. Феодальные хозяйства в большей степени стали ориентироваться на европейский рынок, где в начале XVII века в связи с произошедшими климатическими изменениями сложилась благоприятная конъюнктура цен². В начале XVII века шляхтичи ежегодно отправляли через балтийские порты около 200 тыс. тонн хлеба³.

В итоге, уже к середине XVII века Польша входит в ситуацию перманентного экономического кризиса, перешедшего с течением времени в состояние упадка. Крупные магнаты постоянно расширяют свои владения, так как это в том числе возмещает потери от в целом неэффективного труда крестьян на барщине. Это, в свою очередь, оборачивается ослаблением центральной власти и стремлением обособиться от королевской опеки. Так, в течение XVIII века, аграрный вопрос превращается в один из крупных факторов сепаратизма, повлекшего за собой утрату государства как такового. Чем это закончилось, хорошо известно. К XIX веку территория Польши попадает в руки трех хозяев – Пруссии, Австрии и России, ответные обвинения в адрес которой до сегодняшнего дня сохраняют наиболее острый характер.

Именно в этот момент на изломе эпох 13 марта 1803 года в семейном имении Сендзейовицы рождается Александр Велепольский. Род Велепольских изначально не был знатен, однако восходил к XIV веку. Изменение в феодальном статусе рода произошло в связи с наследованием Мышковского майората в 1729 году. Этот майорат (в Польше такие земли называются ординацией) был учрежден еще в 1603 г. родом Мышковских. Вместе с ним Мышковские получили от папы Климента VIII титул маркизов. Основную территорию майората составили города Миров и Пинчов с сельской округой (сейчас это Келецкое воеводство в Центральной Польше). Именно вблизи Пинчова находились Сендзейовицы – место рождения нашего героя. В 1729 году род Мышковских пресекается, и Велепольские становятся маркизами.

В 1806 году в ходе войны с Пруссией Наполеон удачно разыгрывает польскую «национальную» карту, объявляя о создании Варшавского герцогства (княжества). Его территория будет утверждена в 1807 году по условиям Тильзитского мира. Это, как известно, не возвратило полякам национальное государство, но породило среди них настолько мощные надежды, что признательные шляхтичи под предводительством Иосифа Понятовского весь последующий военный период были верными солдатами армии Наполеона. М.К. Любавский приводит цифру в 70 тыс. человек, сражавшихся в разных корпусах французских войск⁴.

В этот момент право на титул маркиза доходит до малолетнего Александра Велепольского. После смерти бездетного двоюродного дяди Яна-Непомука титул перешел к отцу Александра – Иосифу-Станиславу. В 1815 году умирает и он, и 12-летний Александр становится феодальным владельцем. Тогда же он сталкивается с аграрной проблемой. Дело в том, что его отец унаследовал фактически только титул, но не земли майората. Ян-Непомук Велепольский получил разрешение на продажу большинства своих земель, что и сделал. Это ли не иллюстрация к картине сельского хозяйства Польши? Барщинный феодализм к XIX веку «съел» сам себя, уже не давая прежних доходов землевладельцам. Таким образом, на долю отца нашего героя достались только остатки когда-то пышных владений. Это факт не давал покоя матери Александра. Чтобы подготовить юного маркиза к грядущим боям за возврат распроданной собственности, она постаралась дать ему юридическое образование.

Александр Велепольский учился в Вене, а потом в Геттингене. Вена в начале XIX века – скопище юридических знаний. Благодаря кипучей деятельности Марии Терезии, а позже Иосифа II, в Венском университете даже действовал специальный факультет, впервые профессионально готовивший государственных служащих для работы в финансовой, правовой и образовательной сфере⁵. Геттингенский же университет, основанный в Нижней Саксонии еще в 1737 году, к XIX веку стал ведущим в Германии.

Юридическое образование действительно пригодилось Александру. Вернувшись домой, он начал громкий многолетний процесс, закончившийся полным поражением маркиза. В новой Польше право майората уступило факту законной продажи земли, экономические законы оказались эффективнее феодальных. Кроме неудачи в решении дела, этот процесс ударил и по популярности Велепольского, испортив мнение о нем среди поляков.

Сама же «новая» Польша претерпела за это время значительные изменения. Венский мир 1815 года разделил Варшавское герцогство на четыре части. Познанский и Быдгощский поветы образовали Познанское герцогство, отошедшее к Пруссии. Краков с округом стал вольным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии. Основная часть Центральной Польши вместе с Варшавой составили Царство (королевство) Польское, «связанное» конституцией с Российской империей.

Новое «королевство» действительно получило конституцию за авторством знаменитого тогда польского политического деятеля князя Чарторыйского из рук Александра I, ставшего польским королем. Кстати, тогда Александр воспринимался как спаситель Польши, надеявшейся на полное восстановление государственности теперь уже под его покровительством. Однако уже через несколько лет от этой популярности не осталось и следа. Неразумная политика Александра, факты

нарушения им самим своей же Конституции привели к недовольству среди поляков. Уже после смерти Александра I это приведет к восстанию 1830–1831 гг., подавленному с огромным трудом русскими войсками.

Аграрный вопрос в ходе этого восстания так и останется неразрешенным. Среди самих участников национального движения не было никакого единства по этому поводу. Знаменитый идеолог движения профессор Виленского университета Лелевель и члены связанного с декабристами «Патриотического общества» открыто обвиняли сейм и лично диктатора восстания Хлопицкого в проявлении «шляхетского эгоизма». Польское национальное дворянство действительно не торопилось разрешать крестьянскую проблему.

Положение же крестьян в первой четверти XIX века стало уже просто критическим. Продолжая расширять площади своих земель, шляхтичи сокращали участки, арендуемые крестьянами. Таким образом, большая часть польского крестьянства должна была влиться в состав батраков в дворянских фольварках или переходить на менее продуктивные разорительные участки. Восставший сейм пошел по пути частичных уступок. Вначале землю получили те из крестьян, кто был ранен в боях 1830–1831 годов. Это правило распространили и на членов семей погибших в этой войне. Затем, уже после крупного поражения польских войск под Гроховым 25 февраля 1831 года, обсуждение земельного вопроса было продолжено. Шляхта согласилась дать землю, но только крестьянам из государственных имений. Депутат сейма Шанецкий предложил распространить эту практику и на крестьян частных имений. Но общий шляхетский состав сейма высказался решительно против. Причем «против» оказались, в том числе и члены «Патриотического общества», до того пенявшие Хлопицкому на невнимание к крестьянскому вопросу. Крестьянских представителей даже не допустили на заседания сейма, так «беспокоившегося» об их судьбе. Дебаты по этому вопросу шли 20 дней, но так и не принесли ничего нового. В результате крестьянство утратило всякий интерес к восстанию, посчитав его «панским делом»⁶.

Что касается маркиза Велепольского, то в это время он начал свою карьеру политического деятеля. Он участвует в восстании 1830 года, будучи избранным депутатом выше описанного сейма. Так что обсуждение крестьянского вопроса проходило и с его участием. Впрочем, его позиция по данной проблеме не отличалась от таковой других представителей шляхетского сословия. Тем более, Велепольского никак не отнесешь к числу лидеров сейма, прославившихся своими пламенными выступлениями.

8 сентября 1831 года русские войска под командованием Паскевича входят в Варшаву. Сейм уходит из города сначала в Модлин, затем в Закрочим и Плоцк. В итоге депутаты сейма оказались в эмиграции в Австрии, Пруссии, во Франции. Вместе с сеймом эмигрировал и Велепольский. В связи с этим, в частности, приостановился ход упоминавшегося выше судебного процесса за земли майората.

Однако сразу же после подавления восстания Николай I объявляет амнистию всем его участникам, кроме отдельных категорий, особенно рьяно выступавших против русских властей. Показательно, что среди вернувшихся амнистированных в Польское царство сразу же приезжает и Александр Велепольский, по-видимому, не запятнавший себя ничем серьезным в глазах русского царя. К 40-м годам XIX века он окончательно переходит в лагерь русофилов. Оставалось заявить в официальной форме эту свою новую позицию и в 1846 году повод для этого нашелся.

В Европе начинается новая волна революционного движения, затронувшего, в том числе земли австро-польской Галиции. Там сложилась оригинальная ситуация. Чтобы усилить зависимость галицийской шляхты от Вены, австрийские власти стали поддерживать в здешних социальных конфликтах восставших крестьян. Здесь следует еще учесть, что большая часть галицийских крестьян – этнические украинцы, таким образом, Австрия последовательно продолжает свою многолетнюю имперскую практику стравливания славян между собой. Эта позиция властей была лично одобрена и рекомендована австрийским канцлером Меттернихом.

По этому поводу Велепольский издает в Бреславле анонимную брошюру «Письмо к князю Меттерниху», в которой достаточно нелицеприятно оценивает политику австрийцев и лично канцлера. В противоположность Австрии, Велепольский обращается к России и лично к Николаю I, связывая с ним идею единства славянских народов. До этого пророссийски настроенная польская шляхта еще не заявляла так своих позиций. Брошюра была издана на французском языке и стала довольно известной в Европе. Впрочем, в России тогда на нее практически не обратили внимания. Это произойдет позже и еще сослужит свою службу.

Пока же Велепольский занимается в основном своим хозяйством и втягивается в новый судебный процесс. Еще в бытность пребывания в составе восставшего сейма, молодой маркиз сошелся с другим депутатом – генералом Константином Свидзинским. Свидзинский – настоящий польский интеллигент, библиофил, археолог, знаток и коллекционер памятников старины. В сейме он активен и заметен, представляя довольно крупный Опочинский повет. Именно он, например, вступает в заочный спор с генералом Хлопицким на одном из поворотных заседаний сейма 18 декабря 1830 года, заставив сейм признать Хлопицкого диктатором Царства Польского. Для этого Свидзинский инициировал согласие сейма на дополнительные условия, поставленные Хлопицким⁷.

В 1855 году Свидзинский заканчивает свою бурную жизнь. Но остается вопрос о его богатейшей коллекции. Эту коллекцию редких книг, рукописей, памятников старины Свидзинский вместе со своим состоянием завещает Велепольскому. Смысл завещания был в том, что коллекция приобретет публичный характер со свободным доступом для желающих, но размещаться будет в Мышковском майорате, владельцем которого был маркиз. Таким образом, Велепольский перевез коллекцию в свою усадьбу Эрберм. Однако родственников покойного, в том числе вдову Екатерину Свидзинскую, это не устроило. Они настаивали на размещении коллекции в Варшаве, где она имела бы большую известность. В свою очередь, Велепольский мотивировал свое несогласие с такой позицией материальными соображениями. Велепольский был небогат и не мог из-за этого перевезти коллекцию Свидзинского в столицу Царства. Конфликт дошел до суда, где в этот раз дело решилось в пользу маркиза. Однако многие расценили его действия, как утаивание коллекции от народа, поэтому популярности Велепольскому этот казус не добавил.

Тем временем Царство Польское постепенно катилось к новой волне национально-освободительной борьбы. И снова важную роль в ней сыграл аграрный крестьянский вопрос.

После событий 1830–1831 годов Николай I ликвидировал остатки свобод, которыми первоначально пользовались поляки в составе Российской империи. В этом вопросе царское правительство действовало в полном согласии с Австрией, включившей в 1846 году Краков в границы своего государства⁸. К концу царствования

Николая I Царство Польское фактически превратилось в оккупированный край, правда, с особенностями управления. Александр II в начале своего правления также не привнес ничего существенно нового. Но уже вскоре ситуация меняется.

В России готовится крестьянская реформа, ее варианты активно обсуждаются в корпоративных дворянских собраниях. Отголоски этого стали проявляться и в Варшаве. В 1857 году царь разрешает открыть здесь «Земледельческое общество». Вскоре «Общество» распространило свое влияние на массу польской интеллигенции, ученых, литераторов, а также купцов и промышленников. Председателем «Общества» стал граф Замоиский, сделавший ставку на подъем культурного уровня населения. Члены «Общества» обсуждали технические вопросы, а также проблемы устройства быта крестьян.

В 1859 году царское правительство вспомнило об «Обществе» в связи с необходимостью выработки своих предложений по крестьянской проблеме в том числе и в Польше. В Царстве после 1831 году не было разрешенных дворянских собраний, поэтому и обратились с этим вопросом к графу Замоискому. Обстановка же в Варшаве продолжала накаляться. 11 июня 1860 года прошли похороны Екатерины Свидзинской, вдовы Константина Свидзинского. Они превратились в политическую манифестацию под лозунгами 1831 года. Подобные манифестации, разогнанные властями, прошли еще в октябре 1860 г. и в феврале 1861 года.

Как раз к этому моменту «Земледельческое общество» пришло к определенным выводам. Члены «Общества» заявили, что для решения аграрной проблемы в Царстве будет недостаточно перевести крестьян на долгосрочную аренду. Необходимо предоставить им земельные наделы на условиях выкупа. Последние заседания «Земледельческого общества» состоялись в феврале 1861 года. В это время уже шли столкновения манифестантов с царскими войсками в Варшаве, так что даже такие, в общем скромные предложения по улучшению ситуации в польском селе фактически уже опоздали.

Наместник Царства князь Горчаков попробовал все же договориться с недовольными. Он разрешил варшавянам составить адрес со списком требований на имя Александра II, который будет обязательно учтен и рассмотрен. Составлением такого адреса вновь занялось «Земледельческое общество». Оно стало пользоваться определенным авторитетом среди поляков и в глазах царской администрации, так как не участвовало в «уличных беспорядках».

Вот здесь и начался короткий политический взлет Александра Велепольского. Он сам является в «Земледельческое общество» и предлагает ему свой проект такого адреса. В этом проекте Велепольский апеллировал к конституционной хартии 1815 г., которую дал Царству еще Александр I. При этом автор уже не настаивал на воссоздании самостоятельных представительных органов (сеймов и сеймиков), очевидно предполагая бессмысленность такого требования. На его взгляд, Царству было необходимо только самоуправление, и в этом вопросе Александр II мог бы вполне довериться полякам. Велепольский просил царя забыть болезненные конфликты прошлого и благодарил его за открытие самого «Земледельческого общества», а также Медико-хирургической академии в Варшаве в 1857 году.

Однако проект Велепольского не вызвал особого энтузиазма у других членов «Общества». Часть их посчитала текст адреса нарочито униженным и не соответствующим истинным чаяниям поляков, желавших полного восстановления государственной независимости. Другие вообще не верили в перспективность подобного

обращения к русскому царю. В итоге в «Земледельческом обществе» была составлена другая петиция. Как подчеркивают М.К. Любавский и другие авторы, занимавшиеся этим вопросом, петиция не содержала никаких практических предложений по разрешению ситуации, «состояла из одних скорбных жалоб» и «указаний на бедственное состояние страны»⁹.

Тем не менее, Велепольский не отступился от своей попытки примирить Польшу с Россией. Он начинает использовать личные связи. В частности, ему удается посредством статс-секретаря Эноха заявить о себе перед князем Горчаковым. Вот здесь и пригодились изданная в 1846 году против Меттерниха брошюра. Как пишет Спасович, Энох ознакомил Горчакова с ее содержанием, которое, в свою очередь, очень понравилось последнему и вызвало полное политическое доверие. И в самом деле, Велепольский открыто обосновывал будущность Польши только единением с Российским государством. Причем, по мнению маркиза, это вполне соответствовало историческим традициям Польши.

Горчаков решил привлечь Велепольского к административной деятельности, сделав его одним из своих помощников. Для начала ему предложили должность директора комиссии исповеданий и просвещения. Однако фактически маркиз стал главным советником наместника. Под его влиянием Горчаков отправляет доклад Александру II, в котором вновь оживают предложения Велепольского, не одобренные до того «Земледельческим обществом». Теперь он пошел еще дальше. В итоге доклада император издает в марте 1861 года указ о фактическом восстановлении «Органического статута» 1832 года. Этот указ объявлял польскую корону наследственной в доме Романовых, но, с другой стороны, гарантировал полный набор гражданских свобод, отдельное гражданское управление и законодательство, местное самоуправление.

В ситуации 1861 года основные положения указа свелись к пяти пунктам. Учреждались губернские окружные и городские советы (собрания) из выборных, которые должны были стать органами самоуправления. Создавался особый государственный совет для Царства Польского, в его состав предлагалось включить именитых людей и сановников Царства. Государственный совет занимался бы своим, польским годовым бюджетом, возглавлял систему управления на местах без посредства царской администрации. Далее предполагалось преобразовать училища в польском духе, учредить высшие училища, а среди них создать Главную школу. Она станет затем Варшавским университетом. Кроме того, создавалась независимая от Санкт-Петербурга комиссия народного просвещения и вероисповеданий, необходимая в связи с особой ролью католической религии в Польше, тяготившейся контролем со стороны православных епархий. Последняя мера имела и несомненного кандидата на пост главы комиссии, фактически министра – самого Велепольского.

Сам маркиз надеялся, что указ получит определенное одобрение хотя бы среди части польского общества, шляхты, не согласной с перспективой новых социальных потрясений и вооруженного противостояния с русскими войсками. Однако его позиция опять оказалась не понята самими поляками¹⁰. Велепольский не получил поддержки, а его предложения воспринимались не более чем уступки, свидетельство слабости.

Тогда новый представитель администрации Горчакова попытался действовать силой. Он сделал замечание католическому духовенству за участие в антиправи-

тельстванных манифестациях. Из этого возник спор о веротерпимости. Велепольский, являясь ее сторонником, заявил о готовности придерживаться веротерпимости в отношении католиков. Это было нечто новое для представителей главной в Польше конфессии, еще 100 лет назад навязывавшей свою религию православным христианам. Теперь свой же поляк на польской земле заявлял о веротерпимости по отношению к ним. Далее, в апреле 1861 года, Велепольский настоял на закрытии «Земледельческого общества», с которым окончательно разошелся. Впрочем, повод для этого был вполне официальный. Функции «Общества» по земледельческому вопросу перешли к новому государственному совету. В губерниях создавались землевладельческие съезды, поэтому администрация больше не имела необходимости в сохранении «Общества», к тому же связанного с оппозицией. Руководитель «Общества» граф Замойский был прямым политическим противником Велепольского.

Факт закрытия «Общества» стал новым поводом для манифестаций. Велепольский выступил инициатором применения оружия против манифестантов, и на улицах Варшавы опять началась стрельба. В результате погибло и было ранено в общей сложности несколько сотен человек. Начался политический скандал, в расстрелах был обвинен директор судебной комиссии Воловский. Он подал в отставку, а Велепольский довольно самонадеянно возложил на себя его функции. Так он стал фактически еще и министром юстиции в Царстве Польском. На этом посту он принял новый местный закон, по которому польские гражданские суды могли налагать умеренные наказания на участников подобных манифестаций с отбыванием их в самой Польше. Это в общем-то был еще один компромисс, ведь еще за 10 лет до этих событий в подобных случаях осужденных вывозили в Сибирь. В своей официальной речи Велепольский объявил, что передает в руки судебных властей «спасенный в кровавой схватке порядок».

Далее он возвращается к все еще не решенному крестьянскому вопросу. К сожалению, здесь его позиция была более отсталой даже в сравнении с официальным Манифестом Александра II в отношении русских крестьян. Если «Земледельческое общество» все же сочло необходимым наделять крестьян землей из помещичьих владений, то Велепольский понял такие меры, как насилие по отношению к шляхте. Он ввел вместо ненавистной крестьянам барщины оброчную систему. В начале она предполагалась как добровольная, по усмотрению крестьян и землевладельцев, а затем стала вводиться на принудительных принципах. Такие меры никак не могли быть выходом из сложившейся ситуации, и практически предопределили социальную активность крестьян на первом этапе будущего нового восстания 1863 года.

Несколько более успешной была деятельность Велепольского в сфере образования. Увеличилось число низших и средних училищ, причем программу обучения в них приблизили к европейским (особенно французским) школам.

Тем не менее, в целом инициативы маркиза не стали эффективнее. К тому же, 17 мая 1861 года умер главный покровитель Велепольского – князь Горчаков. Новые наместники генерал Сухозанет, а затем Карл Ламберт в советах маркиза не нуждались. Сухозанет восстановил в Варшаве военное положение, и Велепольский в ответ на это подал в отставку. Однако степень доверия к нему была еще велика, поэтому в отставку в итоге был отправлен вместо него сам новый наместник. В отношении же позиции Ламберта мнения расходятся. Тот же Любавский

обвиняет его в излишнем либерализме, попустительстве «бунтовщикам» и бездействии. Спасович, наоборот, считает, что Ламберт проявил излишнюю жесткость, начав аресты недовольных прямо в католических костелах во время богослужения. Последнее маловероятно, учитывая, что Ламберт сам был католиком.

В конце октября 1861 года Велепольского вызвали в Петербург для объяснений по поводу сложившейся в Царстве ситуации. Здесь он находился по июнь 1862 года. Маркиз предлагал продолжать создавать автономные учреждения. Ситуация для этого в самой России после крестьянской реформы 19 февраля 1861 года сложилась благоприятная. В Варшаве снова открываются католические храмы, по согласованию с Ватиканом назначается новый архиепископ, петербургский профессор Фелинский. Наместником Царства стал брат Александра II Константин Николаевич. Сам же Велепольский получил просимую им отставку с поста директора комиссии вероисповеданий и народного просвещения, а также юстиции. Вместо этого он возглавил всю систему гражданского управления и стал вице-председателем государственного совета Царства. Фактически, теперь он второе лицо в Варшаве после великого князя Константина.

Между тем обстановка в Варшаве продолжает обостряться, и последние организационные изменения оказались бессильны. Легко ранен был новый наместник Константин Николаевич, стреляли и напали с кинжалом на Велепольского. В сентябре 1862 года в Варшаве по призыву графа Замойского собралось около трехсот помещиков-землевладельцев. Ими было составлено обращение к Александру II с требованием восстановления Польши в границах 1772 года. О судьбе же крестьянской земли там не было сказано ничего, политические требования оказались в очередной раз важнее. Велепольский пытался изъять этот документ, хранившийся у Замойского. Однако последний его не отдал. Тогда Замойского отправили в Петербург. Граф подтвердил указанные требования в личном разговоре с императором, после чего был выслан за границу.

Велепольский все больше терял контроль над ситуацией. Не спасли ни амнистия в сентябре 1862 года, ни созыв польских уездных советов из шляхты, ни открытие Главной школы в Варшаве в ноябре 1862 года. Без решения крестьянского аграрного вопроса эти полумеры не дали результатов. Тогда, чтобы «разрядить обстановку», изъев из польского общества наиболее радикальные элементы, 3 января 1863 года Велепольский проводит срочный массовый набор в рекруты польской молодежи. Набор проходил по именованным спискам, а не по жребию, как обычно.

В результате в ночь с 22 на 23 января 1863 года в Царстве Польском вспыхнуло массовое восстание. Причем к его участию Центральный Комитет восставших привлек довольно много крестьян, о судьбе которых так и не побеспокоился Велепольский. Зато «побеспокоились» революционеры. Накануне восстания они издали Декрет о наделении крестьян землей во владениях казны, духовенства и частных лиц. Этот Декрет специально зачитывали и разъясняли крестьянам. Правда, впоследствии воздействие этого Декрета будет существенно снижено вмешательством правого шляхетского крыла восставших.

Для Велепольского же все было кончено. Все его попытки примирить польскую общественность с фактом пребывания в Российской империи успеха не принесли. Остановить польскую революцию, как известно, удалось, только наделив крестьян землей по указу 19 февраля 1864 года и создав для них сословное самоуправление. В июне 1863 года Велепольский берет отпуск и уезжает за границу,

откуда он уже не вернется. 19 октября 1863 года он был уволен со всех должностей, хотя и с признанием всех заслуг перед императором. Последние годы жизни он проводит в Дрездене в полном одиночестве. В 1867 году был разбит параличом и через 10 лет скончался.

До конца жизни он так и не понял суть земельной проблемы в своей стране, всегда оставаясь противником наделения земель крестьян. Противоречивый политик, сторонник демократии и противник сословных перегородок, в своих политических устремлениях он не выходил за пределы лозунгов начала Французской революции 1789 года и кодексов Наполеона Бонапарта. Усилия же по примирению Польши и России были, к сожалению, оценены его соотечественниками лишь как измена национальным идеалам.

Примечания

¹ Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 429.

² Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 209.

³ Всемирная история: Развитие государств Восточной Европы. Минск; Москва, 2001. С. 78.

⁴ Любавский М.К. История западных славян. М., 2004. С. 485.

⁵ Дэвис Н. Указ. соч. С. 477.

⁶ Любавский М.К. Указ. соч. С. 519.

⁷ Кицкая Н. Главы из «Воспоминаний» // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005. С.203–204.

⁸ История СССР в 12 т. М., 1967. Т. IV. С. 469–470.

⁹ Любавский М.К. Указ. соч. С. 536; Спасович В.Д. Маркиз А. Велепольский, его жизнь и политика. СПб., 1882. С. 312.

¹⁰ Егер О. Новейшая история. СПб.; М, 1999. С. 590.

А.Г. ТУМАНОВ

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 ГОДОВ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

В конце XIX века внимание всей мировой общественности было приковано к конфликту между Великобританией и бурскими республиками, явившемуся итогом столетней борьбы Великобритании за Южную Африку. Не исключением стала и общественность Российской империи, которая пристально следила за происходившими там событиями, что весьма примечательно, так как Россия не имела политических споров и конфликтов из-за территорий в Африке с Англией. Важно понять причины столь сильного интереса в России к проблемам Бурских республик, симпатии к ним в борьбе против Англии. Необходимо разобраться, было ли это вызвано государственной пропагандой, своеобразным госзаказом или же это было причиной англофобии значительного процента населения Российской империи. Интересно сравнить оценки событий в официальных и либеральных СМИ, а также отношение к борьбе буров против Британии у русских современников.

С 1880-х годов в русской печати стали появляться различные материалы, посвященные истории, культуре, развитию бурских республик. Это было вызвано тем, что именно в этот период остро встал вопрос о предоставлении политических прав европейским иммигрантам так называемым «уитлендерам» (чужеземцы). Большая часть переселенцев была англичанами, которые хлынули в Бурские